

Н. А. БАКЛАНОВА

К вопросу о датировке „Повести о Савве Грудцыне“

I

„Повесть о Савве Грудцыне“ известна исследователям очень давно. Общепризнано, что она занимает видное место среди древнерусских повестей. Всеми писавшими о „Повести“ или упоминавшими о ней отмечались две стороны: во-первых, ее отношение к предшествующим литературным произведениям; во-вторых, ее реальная основа — включение в нее автором описания действительно происходивших исторических событий или ссылки на них, упоминание о существовавших личностях, приурочение действия „Повести“ к определенным топографическим пунктам. До недавних лет историков литературы интересовал в „Повести“ почти исключительно вопрос о ее литературных источниках: перебирали произведения литературы и русской, и византийской, и западной и ставили в связь с ними мотивы, развиваемые „Повестью“. Занимаясь этою стороною, исследователи упустили другую — реальную основу „Повести“. Они, конечно, упоминали о ней, но вскользь, как о чем-то хорошо известном и совершенно очевидном, что не требует никаких объяснений и исследований. В „Повести“ говорится о некоторых событиях XVII века, о времени „Расстриги“, о Смоленской войне, называется ряд личностей, известных в истории: царь Михаил Федорович, его шурин боярин Стрешнев и воевода Шеин, ведущий войско под Смоленск, упоминаются личности, менее известные, но относительно которых можно все же установить, что они жили в XVII веке, указываются местности (особенно связанные с Москвой) с названиями, также характерными для XVII века. Отсюда делался вывод, что „Повесть о Савве Грудцыне“ написана в XVII веке. Лишь сравнительно недавно М. О. Скрипиль, специально занимающийся „Повестью“, подверг рассмотрению имеющиеся в ней исторические данные.¹ Но и он исходит из того положения, что „Повесть“ написана в XVII веке, и лишь стремится точнее определить, в какие именно годы этого столетия она составлена. Между тем, самая принадлежность ее XVII веку вовсе не доказана. Только путем детального пересмотра всех исторических данных, содержащихся в „Повести“, можно притти к какому-либо реальным результатам. Настоящая работа и ставит свою целью произвести такой анализ и сделать соответствующие ему выводы.

Начнем с героя „Повести“. Он носит фамилию, хорошо известную в XVII и начале XVIII века, — Грудцыных-Усовых, чаще просто Грудцы-

¹ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. Труды Отдела древнерусской литературы, т. II, М.—Л., 1935, стр. 181—214; т. III, М.—Л., 1936, стр. 99—152.

ных. Биографические сведения о них имеются в работе М. О. Скрипицы. Он использовал печатные материалы, в которых встречаются упоминания о Грудцких. Но эти упоминания носят случайный характер и не дают возможности составить представления о тех изменениях, которые происходили в семье Грудцких. Этот пробел восполняется архивными материалами, хотя и они не дают исчерпывающих сведений. Историческую хронику этой семьи приходится составлять на основании отдельных фактов, сохранившихся в различных архивных фондах.

Грудцкие происходили из Устюга — города, расположенного при слиянии рек Сухоны и Юга и при начале реки Северной Двины, которая вела к важнейшему торговому порту Русского государства — Архангельску. В Устюге пересекались главные торговые пути; в него поступала вывозившаяся из Сибири пушнина, он являлся также крупнейшим хлебным рынком для всего Севера. Торговля определяла характер занятий большей части населения Устюга, как и всего Поморья вообще: с одной стороны, она доставляла заработок рабочим разных профессий, связанных с транспортом, с другой стороны, способствовала появлению большого числа торговцев, как мелких, местного масштаба, так и оптовых. Из Устюга происходили такие крупные торговые фамилии XVII века, как Босовы, Ревякины, Мамотовы. В ряду их одно из видных мест занимали Грудцкие-Усовы.

Эта фамилия впервые встречается в документах начала XVII века, когда в Устюге жил посадский человек Тимофей Усов, известный также и по своему прозвищу — Грудца. Его дети и внуки назывались то по фамилии — Усовы, то по прозвищу их отца и деда — Грудцкие. Потом то и другое было соединено вместе и получилась двойная фамилия — Грудцкие-Усовы. В конце XVII века представители этой фамилии стали называться просто Грудцкими, и лишь в особо важных случаях, например подписываясь под мирскими приговорами, они прибегали к своей полной, двойной фамилии.¹

В 1630 году у Тимофея в Устюге было четыре лавки, а в Устюжском уезде три деревни с шестью дворами половников. С годами его благосостояние увеличивалось. Это видно из того, что в 1638 году у него уже был двор в Москве, в Белом городе, где-то в районе Пречистенки и Остоженки. Его торговые операции, повидимому, были незначительны, по крайней мере в таможенных книгах его имя не встречается. Но все-таки он был человеком зажиточным. Об этом можно заключить по тому, что в 1619 году Тимофей поднес царю Михаилу Федоровичу серебряный кубок, подробно описанный в столбце Оружейной палаты.² Около 1645 года он умер.

Дети и внуки Тимофея быстро идут в гору, как в материальном отношении, так и в смысле занятия определенного иерархического положения среди торговых людей. В Устюге они владеют уже несколькими дворами и торговыми помещениями.³ Их торговля не ограничивается местным рынком. Они отправляются в Архангельск для закупки товаров. У них есть свои дощаники, на которых они совершают эти путешествия, но их операции настолько велики, что собственных судов им уже не хватает и они пользуются наемными для перевозки своих

¹ Русская историческая библиотека (РИБ), т. XIV, стлб. 1120.

² Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883, стр. 31, 32; Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Поместного приказа, писцовые книги по Устюгу Великому, №№ 506 и 507; там же, ф. Оружейной палаты, № 346; Груды Московского отдела Русского военно-исторического общества, т. I, 1911, стр. 180.

³ Устюг Великий. . . , стр. 3, 18, 28, 31, 33.

грузов. Часть этих товаров они распродают в Устюге, часть отправляют в Москву, а часть везут на восток — в Казань и Сибирь, где в обмен на них покупают персидские бумажные ткани, а также шелк-сырец и сафьяны. Для отправки в Сибирь, кроме заграничных товаров, служат и русские изделия: холст, сермяжное сукно, мухояр, меховая одежда. Из Сибири приказчики Усовых вывозят меха. Вся эта „мягкая рухлядь“, привозимая на лошадях из Сибири, в Устюге перегружается на суда и отправляется в Архангельск, куда, кроме того, посылаются сельскохозяйственные продукты Севера.

Усовы принимают самое непосредственное участие в этой торговле: сами разъезжают по волостям, отправляются в Москву, Архангельск. Состав их товаров показывает, что они торгуют всем, чем придется, не специализируясь и не думая о количестве: наряду с большими партиями сукон, в таможенных книгах встречаются упоминания об отдельных половинках или даже долях их, а наряду с многочисленными „сборками“ соболей — там записаны отдельные соболя и лисы.¹

Торговля сельскохозяйственным сырьем заставляла Усовых заботиться о расширении своих земельных владений, которые доставляли им хлеб и скот. Поэтому они не жалели денег на их покупку. Очень часто Усовы увеличивали свои владения путем захвата и ростовщических операций. Из сохранившихся документов узнаем, что семья Усовых приобрела таким способом за время с 1624 по 1648 год, т. е. за 24 года, деревни в 16 волостях на сумму 7000 с лишком рублей.² В этом отношении они превосходили не только других торговых людей Поморья, но и таких крупных владельцев капитала, какими были северные монастыри. В 30-х годах XVII века сын Тимофея Яким с детьми Степаном и Силою и племянниками Алексеем и Василием попали уже в ряды торговых людей гостинной сотни.³ Это давало им преимущества в отношении уплаты податей и торговых дел, но в то же время возлагало на них ряд обязанностей, „служеб“, в области таможенного управления и различных казенных поручений. В 1633 году Алексей Усов закупал для казны рожь в Усольском и Устюжском уездах. В следующем году Яким собирал пятину в Перми, у Соли Камской, и в Кайгородке. Алексей и Василий, кроме того, по нескольку раз в 40-е, 50-е и 60-е годы назначались для сбора таможенных пошлин в Архангельске.⁴ Наконец Иван Якимов принимал участие в Земском собрании 1642 года, решавшем вопрос: поддерживать ли казаков, взявших у турок Азов, или нет?⁵ В 1637 году Усовых как людей гостинной сотни обязали жить в Москве, где у них были уже дома, но куда они не спешили переселяться, очевидно не желая оставлять без хозяйского глаза своих торговых дел на севере.⁶

¹ Сведения о торговле Грудцных взяты из таможенных книг Устюга Великого, Тотьмы и Соли Вычегодской (см.: Таможенные книги Московского государства XVII в., тт. I—III. Под ред. А. И. Яковлева, Изд. АН СССР, М., 1950—1951).

² ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1632 г., № 17; М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909, стр. 110.

³ См., например, ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1630 г., № 72; 1641, № 86.

⁴ О службах Грудцных см.: Е. Сташевский. Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства. Киев, 1911; Дополнения к Актам историческим (ДАИ), т. III, №№ 23, 38, 116; т. V, № 39; ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1635 г., № 43; 1651 г., № 63, л. 493.

⁵ Собрание государственных грамот и договоров, т. III, стр. 384.

⁶ Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества, т. I. М., 1911, стр. 16, 130; ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1646 г., № 154.

Во второй половине XVII века Усовы начинают играть видную роль в Устюге. Они принимают у себя лиц из состава местной администрации, правда еще не очень высокого ранга — пока только подьячих; подписываются как люди с весом первыми под разными мирскими приговорами и челобитными.¹

Таким образом второе и третье поколения Усовых уже вошли в ряды крупных торговых людей, ведущих в широком масштабе торговлю, владеющих деревнями на Севере и пользующихся весом среди поморского уездного мира. Но они еще не были первостатейными торговыми людьми. Это место занял представитель четвертого поколения, считая от Тимофея, сын Ивана Якимовича Василий Иванович Грудцын-Усов.

Торговля Василия Ивановича начинает специализироваться главным образом на продуктах сельского хозяйства, среди которых видную роль играет хлеб. Но хлеб он не продает, а покупает. Это объясняется тем, что он занялся в широком размере винокурением, поставляя вино тысячами ведер на поморские кружечные двory. Винокурня Василия Ивановича находилась в Устюге. Поставка вина была выгодна не только из-за прямых доходов, которые она давала, подрядчиков привлекали и задатки, получаемые ими от казны.²

Кроме винокуренного промысла, Василий Иванович завел еще соляной. В 1660 году ему было пожаловано в Тотемском уезде Леденгское усолье, размеры которого он расширил, приобретая путем покупки и залога соседние крестьянские участки. Наряду с домом в Устюге, Леденгское усолье являлось его главной резиденцией, когда он бывал в Поморье.³

Земли приобретались Василием Ивановичем не только и, может быть, не столько покупкой, сколько попадали к нему в результате залога или прямого захвата, причем, несмотря на совершенную очевидность этих захватов, суд становился на сторону захватчика как более сильного. Таких судебных дел сохранилось несколько. Василий Иванович чувствовал себя настолько прочно, что не боялся вступать в споры даже с такими сильными противниками, какими являлись Строгановы.⁴

Кроме многочисленных деревень на Севере, у Василия Ивановича были дворы в городах, лежавших на пути из Москвы в Архангельск: в Вологде, Устюге, Соли Вычегодской, Холмогорах. В самой Москве у него был двор в Китай-городе на Воскресенской улице (в теперешнем Б. Черкасском переулке между улицей 25 Октября и улицей Куйбышева).⁵

В 1675 году Василий Иванович был возведен в высший для купе-

¹ Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов, собр. К. В. Базилевичем, М.—Л., 1936, стр. 136; ЦГАДА, ф. приказных дел новой разборки, 1663 г., № 1471; ф. приказных дел ст. лет, 1663 г., № 161.

² См., например: ДАИ, т. VI, № 21, стр. 152; РИБ, т. XIV, слоб. 1033; Устюг Великий. . . , стр. 123—124; ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1676 г., № 124.

³ Устюг Великий. . . , стр. 164; М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере, т. I, стр. 109—110; Путешествие К. Де-Бруина через Московию. Чтения в Обществе истории и древностей российских (Чтения) 1873, кн. I, стр. 273—274; ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1661 г., № 61.

⁴ ЦГАДА, ф. Строгановских дел, 1660 г., № 2. — О количестве деревень, принадлежавших В. И. Грудцыну, см.: М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере, т. I, стр. 106—107.

⁵ ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1705 г., № 50, лл. 1—2; А. А. Зерцалов. Московский Китай-город в XVII в. (по описи 1695 г.). Чтения, 1893, кн. II, Смесь, стр. 7.

чества его времени чин: он получил звание „гостя“;¹ до этого чина не поднимался еще никто из его семьи.² В качестве члена корпорации гостей он неоднократно нес трудную и хлопотливую таможенную службу в Архангельске.³ В 1696 году он был избран гостями в комиссию по наблюдению за ходом кораблестроения в „гостиных кумпанствах“ в Воронеже. В 1699 году в числе 34 гостей он участвовал в выборах во вновь организованную Бурмистерскую палату вместе со своим сыном Семеном, который тоже уже носил звание гостя, хотя ему было в это время только 27 лет.⁴ Этой ранней карьере, очевидно, способствовало видное положение его отца.

В связи с ростом имущественного благосостояния В. И. Грудцына и возвышением его служебного положения изменился круг его знакомств. Если старшие представители семьи Грудцыных водили дружбу с подьячими, то Василий Иванович чувствовал себя на равной ноге с провинциальной служилой знатью. В Архангельске он запросто бывал у воеводы, который делился с ним столичными новостями. В 1675 году при проезде через Архангельск в Москву голландского посольства Василий Иванович в числе важнейших лиц города посещал послов и присылал им подарки.⁵ В 1685 году на пути из Архангельска в Устюг он проезжал к холмогорскому архиепископу Афанасию „для духовной беседы“. Из двух сохранившихся писем его к Афанасию видно, что Василий Иванович посылал ему в подарок то „печь обрасчатую“ (т. е. изразцы для печи), то „в мешечке фунт травы китайской чаю“. Вместе с тем он прибегал к помощи архиепископа в случаях задержки в своих торговых и денежных делах.⁶ О близких отношениях Василия Ивановича с местной администрацией говорят направлявшиеся в Москву жалобы на воеводу, который „дружит гостю Василию Грудцыну“.⁷ В 1693 году в доме Василия Ивановича в Устюге останавливался Петр I во время своего путешествия из Москвы в Архангельск.⁸

Все это указывает на то, что В. И. Грудцын занял видное и, казалось бы, прочное место в бюрократическом мире. Но его благосостояние внезапно рухнуло. Первые признаки надвигающейся катастрофы появились еще в 1698 году. Василий Иванович, взяв вместе с другими торговыми людьми подряд на поставку хлеба для архангельских стрельцов — около 8000 четвертей, не выполнил его в срок, а в Архангельске в это время, вследствие бывшего на Севере три года подряд неурожая,

¹ В таможенной книге Устюга Великого 1673—1674 годов (ЦГАДА, ф. городских книг, № 203) В. И. Грудцын значится еще торговым человеком гостиной сотни, а в следующем году он уже в чине гостя заведует таможенными сборами в Архангельске (см.: Крепостная мануфактура в России, ч. 1. Л., 1930, стр. 301).

² В грамоте устюжскому воеводе 1658 года (РИБ, т. XII, слоб. 393) Сила Грудцын назван „гостем“, но это — явная ошибка. Ни до, ни после этого года ни он и никто другой из представителей семьи Грудцыных, кроме Василия Ивановича и его сына Семена, не носил этого титула. В частности, Сила назван торговым человеком гостиной сотни в документах 1659 (А. А. Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1889, стр. 66), 1660, 1661 (ЦГАДА, ф. Строгановских дел, 1680, № 2, лл. 11 и 26) и 1663 годов (там же, ф. приказных дел ст. лет, 1663 г., № 289).

³ ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, №№ 26919, 34078; ф. приказных дел ст. лет, 1689 г., № 253; 1698 г., № 202.

⁴ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. I. Л., 1940, стр. 363; ЦГАДА, ф. Разряда Белгородского стола стбл. № 1732, л. 83.

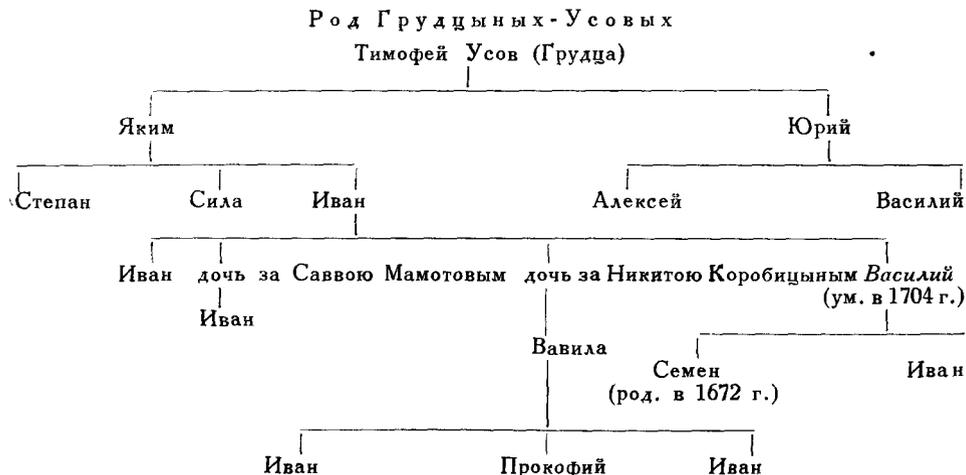
⁵ Посольство Кунраада фан Кленка. СПб., 1900, стр. 307, 331, 348, 349, 562.

⁶ Отдел рукописей ГБА СССР, Румянцовский сборник, № 50: „Грамоты, записи, отписки и разного рода бумаги с 1624 по 1721 год, списанные с подлинников, доставленных из Архангелогородского архива Н. П. Румянцову, 1822 г.“.

⁷ ДАИ, т. X, № 101, стр. 447.

⁸ А. А. Титов. Летопись Великоустюжская, стр. 72.

хлеба купить было нельзя, и стрельцы начали голодать. Подрядчиков велено было выслать для ответа в Архангельск.¹ Василию Ивановичу на этот раз, повидимому, удалось благополучно выйти из затруднения. Однако через несколько лет, уже после его смерти (1704), произошел крах всего предприятия. Его жена и сын Иван (о другом сыне, Семене, упоминавшемся выше, в это время нет никаких сведений) остались разоренными. Как оказалось, В. И. Грудцын не выполнил многих подрядов на поставку нескольких десятков тысяч ведер вина и солода (в Вологде, Тотьме, Устюге, Соли Вычегодской и Яренске), причем деньги им были забраны вперед. Кроме того, он не сдал отчет по таможенному управлению в Архангельске. Вследствие этого велено было описать все его имущество, а сына Ивана выслать в Москву в Семеновскую приказную палату.² Крупное торгово-промышленное предприятие Грудцыных перестало существовать.³ На этом обрываются и наши сведения о дальнейшей судьбе этой семьи.

¹ ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1698 г., № 765.

² Так называлось учреждение, основанное в 1704 году, а в следующем году переименованное в Ингерманландскую канцелярию. Семеновская приказная палата заведывала сборами с торговых бань, бортовых ухажий, инверческих свадеб; в ней также должны были регистрироваться „гулящие люди“, нанимавшиеся на „площадках“ или занимавшиеся мелкой торговлей в разнос. О Семеновской приказной палате см.: Полное собрание законов, №№ 1954—1956, 1958, 1960, 1961, 1965, 1966, 1969, 2000, 2191.

³ Дело об описи имущества гостя В. И. Грудцына хранится в ЦГАДА, в ф. приказных дел ст. лет, 1705 г., № 50. Это дело представляет собою тетрадь, листы которой были пронумерованы в XVIII веке (всего 32 листа). Но, кроме этой пагинации, цифры которой зачеркнуты, на листах тетради имеется еще другая (сделанная также почерком XVIII века), начинающаяся с листа 125. Тетрадь содержит в себе опись той части имущества Василия Ивановича, которая находилась в Тотемском уезде. Очевидно, первоначальная пагинация была представлена подьячим, производившим опись, а затем, по присылке в Москву, эта тетрадь была присоединена к описи других владений Грудцына: земель в Устюжском и Сольвычегодском уездах и дворов в различных городах, причем была сделана общая пагинация. Особенно интересной для нас должна быть опись московского двора Грудцыных. Судя по сохранившимся аналогичным описям, она должна была содержать в себе сведения о строениях, имевшихся на дворе, и о движимом имуществе, хранившемся в них, в том числе в ней должен был быть перечень предметов обстановки в доме, одежды, украшений, домашней утвари и книг. Если бы эта часть описи сохранилась, в распоряжении исследователя оказалось бы значительно больше материалов для суждения об интересах, вкусах и бытовой обстановке жизни гостя Василия Ивановича Грудцына.

II

Обратимся теперь к „Повести о Савве Грудцыне“ и посмотрим, какое отражение нашла реальная историческая хроника в литературном произведении. Прежде всего следует отметить, что автором „Повести“ взята действительная фамилия этой семьи, то двойная—Грудцыны-Усовы, то просто Грудцыны, реже—Усовы. Семья Грудцыных по „Повести“ состоит из отца, матери и сына. Отступлением от действительности являются внесенный в „Повесть“ факт переселения этой семьи из Устюга в Казань и дальнейшее проживание в Казани. Из вышеприведенных данных мы видели, что исторические Грудцыны никогда в Казани не жили. Первоначальным местом их жительства был Устюг, позднее Москва, затем снова Устюг и Леденгское усолье. Другим отступлением является сосредоточение торговой деятельности Грудцыных по Камско-Волжскому пути. Из таможенных книг известно, что приказчики Грудцыных торговали в Казани, может быть, они ездили в Астрахань и даже в Персию (хотя прямых указаний на это в документах нет), но основная торговая деятельность самих Грудцыных развивалась между Москвою, Астраханью и Сибирью.

Что хорошо обрисовано „Повестью“ — это выдающееся положение отца героя в купеческой среде и в высших бюрократических кругах. Уже из первых строк читатель узнает, что Фома Грудцын — „муж славен и богат зело“.¹ Далее, сын его Савва обещает отдать бесу за возвращение любви жены Бажена Второго „богатство отца его“, и бес подтверждает: „Аз бо вем, яко отец твой много богатство имать“. Поступив в солдаты, Савва на вопрос полковника о „роде его“ „скажет ему воистину, что славного и богатого купца Фомы Грудцына сын“. Воевода Шеин, призвавший к себе Савву после его победы над тремя польскими воинами, говорит ему: „Аз убо знаю отца и сродников твоих, яко бо бесчисленно богатства имут“. Фома Грудцын пользуется широкой известностью. Когда Бажен Второй узнал, что к Соли Камской приехал Савва, сын Ф. Грудцына, то сейчас же позвал его жить к себе, „яко отец ево со мною имея многую любовь и дружбу“. Бес знает, что Савва „от рода Грудцыных-Усовых из града Великого Устюга (по другим спискам: из Казани)“. Соликамский воевода, услышав, что Савва — сын Фомы Грудцына, „приглашает и юношу оного в дом, зане добре знающе отца его“.

Постоянный упор на богатство Фомы и на его видное положение в высших бюрократических кругах заставляет предполагать, что образом для отца героя служил гость Василий Иванович Грудцын, при котором материальное, а в связи с ним и общественное положение семьи Грудцыных достигло своей высшей точки. Он первый из Грудцыных получил звание „гостя“ — этот высший титул для московских торговых людей — и соединенные с ним привилегии. Из всей семьи Грудцыных только к нему можно применить те эпитеты о славности и богатстве, которые содержатся в „Повести“; только он мог быть известен, притом с оттенком уважения, и северному воеводе, и московскому боярину, и командиру армии.

Перейдем теперь к рассмотрению других исторических данных, привлекаемых „Повестью“.

¹ Цитаты из „Повести“ приводятся по списку из собрания В. Н. Перетца, хранящемуся в Отделе рукописей Института русской литературы Академии Наук СССР и являющемуся, по нашему мнению, одним из наиболее ранних.

Центральным историческим событием, вокруг которого разворачивается рассказ во второй части „Повести“ (со времени отъезда Саввы из Соли Камской), является Смоленская война. Как правильно указал М. О. Скрипиль, здесь имеется в виду, конечно, война 1632—1634 годов, так как во главе войска стоит воевода Шеин. Это — событие большой важности в нашей истории XVII века; отдельные этапы его, полные глубокого драматизма, очень волновали современников. Если боярское правительство, не поддержавшее Шеина в нужный момент, возложило на него потом всю вину за неудачную войну и вставило в его смертный приговор статьи с обвинением в измене, то в народе раздавались совсем другие голоса: „В людях учинялась рознь великая“.¹ Как же отнесся автор „Повести“ к этим событиям? Что мы находим в „Повести“ о Смоленской войне? Там говорится о том, что Савва с бесом в одну ночь перенеслись из Москвы в Смоленск и там невидимками осматривали город в течение трех дней. На четвертый день автор делает их видимыми, очевидно, для того, чтобы вставить в свой рассказ эпизод с переходом через Днепр посуху, когда вода расступилась перед ними. Затем описывается новое появление под Смоленском Саввы и беса уже вместе с армией, трехкратный бой Саввы с польскими воинами и участие его и беса в боях во время польских вылазок. Вот и все, что автор сообщает об этой войне. Реальные события, имевшие место при осаде Смоленска, его не интересуют. Он заменяет их фантастическими, сказочными эпизодами, употребляя столь излюбленный сказками прием трехкратного повторения — 3 дня Савва и бес остаются невидимыми в Смоленске, 3 раза Савва выходит на поединок с польскими воинами. И это в то время, когда в других случаях автор дает очень яркие реалистические картинки, например из торгового и военного быта. Чем это объяснить? Ответ может быть только один: это писал не современник, а человек, для которого реальная история этой войны была не известна и который судил о ней по официальной версии, изложенной в приговоре Шеину и попавшей в Хронограф.

Это предположение подкрепляется рядом других соображений. Некоторые из них указаны М. О. Скрипилем. Первое — автор не знает имени воеводы Шеина, называя его вместо Михаила Борисовича Федором Ивановичем. Второе: вводя в свой рассказ С. Л. Стрешнева, автор называет его боярином, тогда как в действительности в описываемое время ему могло быть всего лет 16—18, а чин боярина он получил лишь в 1655 году,² т. е. спустя 20 с лишком лет после Смоленской войны.

К этим наблюдениям можно присоединить еще одно. Заключительный эпизод „Повести“ разыгрывается в московском Казанском соборе, где происходит „исцеление“ Саввы. Речь идет о том Казанском соборе, который помещался на углу Красной площади и теперешней улицы 25 Октября. В этом месте „Повести“ имеется хронологическая несообразность. Казанский собор был выстроен князем Д. М. Пожарским в память освобождения Москвы от польской интервенции. Он строился в 30-е годы XVII века и был освящен в 1637 году,³ т. е. через три года после

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, стлб. 1209; Русский биографический словарь, изд. под ред. А. А. Половцова, т. „Шебанов — Шютц“. СПб., 1911, стр. 41—59.

² Н. Н. Голдцын. Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. СПб., 1912, стр. 242.

³ Русский биографический словарь, т. „Плавильщиков—Примо“, СПб., 1905, стр. 246.

окончания Смоленской войны и казни Шеина. Это само по себе уже указывает на несоответствие рассказа „Повести“ реальным историческим данным. Кроме того, автор рассказывает о крестном ходе в Казанский собор, в то время как в царствование Михаила Федоровича еще не было крестных ходов из кремля в Казанский собор. Михаил Федорович, хилый и болезненный, „ножками скорбевший“, вообще с трудом покидал кремль. Даже в обязательной церемонии „шествия на осяти“ его в последние годы царствования заменял сын, будущий царь Алексей Михайлович, так как длинное шествие из Успенского собора через Спасские ворота и через всю Красную площадь в Казанский собор в тяжелом парадном одеянии для него было непосильно. Этот ход, повидимому, был установлен царем Алексеем Михайловичем, гораздо более подвижным, чем отец. Первое упоминание об этом ходе мы встречаем в 1647 году, когда „июля в восьмой день ходил государь в ход за кресты и обедни слушал у праздника пречистые богородицы у Казанские“.¹ С этого года крестный ход в Казанский собор восьмого июля вошел в обычай и повторялся ежегодно и при Алексее Михайловиче и при его преемниках. Если его почему-либо не бывало, то этот факт заносился в Дворцовые разряды с объяснением причины.² Этого обычая придерживался в юности и Петр I. Во время крестного хода 8 июля 1689 года произошло известное столкновение его с сестрой, царевной Софьей. Позднее Петр перестал соблюдать установленные обряды, но его брат, Иван Алексеевич, участвовал в этом крестном ходе. Записи об этом сохранились в Дворцовых разрядах за весь XVII век.³

Итак, рассмотренные факты — описание Смоленской войны, упоминание о некоторых исторических лицах и отнесение более поздних событий ко времени Смоленской войны 1632—1634 годов — показывают, что автор „Повести“ не мог быть современником Смоленской войны и что „Повесть“ составлена позднее.⁴

Уже сказано, что М. О. Скрипиль, занявшийся датировкой „Повести“, исходил, как и предшествующие исследователи, из утверждения о том, что „Повесть“ написана в XVII веке, и лишь старался уточнить время ее появления в пределах этого столетия. Он относит ее составление к 1666—1668 или ближайшим за ними годам. У М. О. Скрипиля два довода. Он находит, что стрелецкое войско до 1682 года делилось на приказы, во главе которых стояли „головы“, но в 1682 году старая терминология стрелецких войск была заменена терминологией, давно уже принятой в солдатских частях. Приказы стали называться полками, стрелецкие головы — полковниками, стрелецкие полуголовы — подполковниками, стрелецкие сотники — капитанами. „Повесть о Савве Грудцыне“, — говорит М. О. Скрипиль, — знает старое деление стрелецких войск на приказы и старое обозначение должностных лиц в приказах. В ней мы читаем: «Той же Савва поставлен бе на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе в дома стрелецкого сотника именем Иакова Шилова». Эта терминология проходит через всю повесть о Савве Грудцыне.

¹ П. Строев. Выходы государей царей и великих князей, М., 1844, стр. 102, 119, 161.

² Там же, стр. 183, 210, 260, 291, 333, 358, 381, 402.

³ Дворцовые разряды, т. III, стр. 631, 803, 960, 1517; т. IV, стр. 165, 225, 241, 358, 392, 457, 562, 700, 804, 900, 1057, 1075.

⁴ В некоторых списках „Повести“ вводится еще один факт: Савву постригает сам патриарх Филарет. Здесь также получалась хронологическая несообразность: Савва не мог быть пострижен ранее 1634 года, в то время как патриарх Филарет умер уже в 1633 году.

Весьма естественно предположить, что этой терминологии мы в «Повести» не встретили бы, если бы она была написана позже 1682 г.¹

Вывод автора был бы правилен, если бы послыли его были верными. Но, во-первых, в «Повести» терминология вовсе не выдержана так, как это кажется автору, а именно: наряду со стрелецкими «приказами» (этот термин встречается в «Повести» один раз, он указан автором) в ней имеется и другое наименование — стрелецкие «полки». «По повелению ж цевеву все новобранные солдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку». Отсюда видно, что «Повесть» пользуется одинаково обоими обозначениями. Во-вторых, автор ошибается, считая, что с 1682 года название стрелецких полков «приказами» не употреблялось. Так, в указе от мая 1682 года стрелецкому полковнику Семену Грибоедову о наказании его за притеснения стрельцов между прочим сказано: «Государь указал и бояре приговорили... тебя от приказа отставить и полковничей чин у тебя отнять... а у приказу на твое место быть иному полковнику». В челобитье, поданном московскими стрельцами 6 июня 1682 года о постановке на Красной площади столба с перечислением их заслуг, они называют себя стрельцами «московских приказов». В царской окружной грамоте о созыве дворянского ополчения, разосланной в сентябре того же года, говорилось: «Московские стрельцы всех приказов... нам, государем, изменили... били челом нам, великим государем, на полковников, которые у них в приказех были». Но и позднее 1682 года в документах встречаем также иногда старую терминологию. Например в грамоте Иова, митрополита новгородского и великолукского, от 15 апреля 1698 года читаем: «В нынешнем 206-м году апреля в 14 день били челом нам, преосвященному митрополиту, лудские стрельцы Яковлева приказу Максимова сына Коптева».² Кроме того, и новые обозначения должностей в стрелецких полках привились не сразу. В стрелецком розыске 1698 года не встречаем термина «капитаны»; вместо него стоит еще старое название.³

Итак, мы видим, что и в 1682 году и позднее в документах еще встречаются старые обозначения и стрелецких полков и должностей в них. Если официальные документы употребляют эти наименования, то тем шире это должно было применяться в бытовом языке, который вообще гораздо консервативнее. Таким образом первый довод М. О. Скрипиля отпадает.

Но у М. О. Скрипиля есть еще другой. «В «Повести о Савве Грудцыне», — говорит он, — упоминается о «Зимине приказе». Во второй половине XVII века среди стрелецких голов известен Зима Васильевич Волков. Исторические документы упоминают о нем с 1652 г. по 1668 г. Мы не знаем точно, когда Зима Васильевич Волков умер, но, вероятно, это случилось вскоре после последнего упоминания о нем в «Делах Тайного приказа». В «Повести о Савве Грудцыне», очевидно, идет речь о его приказе, и соответствующее место в полном виде должно читаться так: «Той же Савва поставлен бе на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе Волкова...». Так как, с одной стороны, «Повесть о Савве Грудцыне» не могла быть написана раньше смерти С. А. Стрешнева, т. е. 1666 г., а с другой стороны, приказ, о котором в ней идет речь, мог называться Зиминим только при жизни З. В. Волкова, т. е. до 1668 г., то очевидно, что «Повесть о Савве Грудцыне» была напи-

¹ М. О. Скрипиля. Повесть о Савве Грудцыне. Труды Отдела древнерусской литературы, т. II, стр. 208—209.

² Акты Археологической экспедиции, т. IV, М., 1946, №№ 254, 255, 262, 316.

³ М. М. Богословский, Петр I, т. III, раздел о стрелецком розыске.

сана или в 1666—1668 годы или в ближайшее к этим годам время, пока в памяти современников З. В. Волкова по привычке еще сохранилось название «Зими́на приказа»¹.

Этот довод — серьезный. Здесь указано определенное лицо, действительно жившее в указанные М. О. Скрипилем годы и занимавшее должность стрелецкого сотника.² Другого стрелецкого сотника с этим именем в документах XVII века не встречается. „Повесть“ указывает и его местожительство: в Земляном городе на Сретенке. Стрелецкая слобода в этом месте действительно существовала в XVII веке.³ В ней было две приходских церкви: Николы в Грачах и Троицы. Первая находится на углу Садово-Сухаревской и Трубной улиц, вторая — в конце Сретенки.⁴ Церковь Николы в Грачах также упоминается в „Повести“: из этой церкви приводят священника к больному Савве, живущему в доме стрелецкого сотника Якова Шилова. Казалось бы, что точность этих сведений служит неопровержимым доказательством знакомства автора „Повести“ с данным лицом и тем самым дает возможность принять дату написания „Повести“, устанавливаемую М. О. Скрипилем. Однако при проверке выясняется, что в указанные годы Стрелецким приказом, помещавшимся в районе церквей Николы в Грачах и Троицы, заведывал не Зима Волков, а другое лицо, также хорошо известное в XVII веке, — голова Василий Пушечников. Его имя часто встречается в Дневальных записках приказа Тайных дел в качестве начальника стрелецкого караула, оберегавшего царский дворец; он, как и другие стрелецкие головы, привлекался к управлению подмосковным дворцовым селом Измайловым. Василий Пушечников со своим приказом принимал участие в польской войне: в 1659 году у него был бой с поляками в местечке Бешенковичи Витебского уезда; 12 июля 1660 году он со своими стрельцами присутствовал на смотре, устроенном воеводою Иваном Андреевичем Хованским в г. Полоцке.⁵

Обе указанные выше церкви в описи московских церквей 1657 года и в документах Тайного приказа за 1660-е годы называются церквями „в стрелецкой слободе в Васильеве приказе Пушечникова“.⁶ Значит Зима Волков заведывал каким-то другим стрелецким приказом. Далее. Фамилия Шилова (стрелецкого сотника, в доме которого, по „Повести“, жил Савва) действительно встречается в числе стрелецких сотников, но опять-таки не в приказе Зимы Волкова, а в приказе Михаила Ознобишина. На смотре войск в Полоцке 12 мая 1660 года из приказа убитого в бою под Полонкой М. Ознобишина присутствовали три сотника и среди них Владимир и Афанасий Шиловы.⁷

¹ Труды Отдела древнерусской литературы, т. II, стр. 209.

² Документы, в которых встречаются упоминания о Зиме Волкове, указаны в работе М. О. Скрипиля. Кроме этого, см.: Дневальные записки приказа Тайных дел, стр. 13, 60, 131, 139, 143, 144, 146; Дворцовые разряды, т. III, стлб. 270, 619, 628, 638; Дополнения, стлб. 141, 146, 217; РИБ, т. XXIII, стлб. 606 и др.

³ С. К. Богоявленский. Московские слободы в XVII в. Московский край в его прошлом, ч. 2. М., 1930, стр. 122.

⁴ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. 1. М., 1884, стлб. 622, 679—680.

⁵ Дворцовые разряды, т. III, стлб. 170, 186, 188, 193, 199, 207, 214, 217, 257, 309, 620, 884, 920, 1010, 1072, 1264, 1265; т. IV, стлб. 193, 423; Дневальные записки приказа Тайных дел, стлб. 60, 129; Акты Московского государства, т. II, стр. 637—639; т. III, стр. 66, 118, 149, 395; РИБ, т. XXI, стлб. 176, 396, 595, 906, 1027, 1071 и др.

⁶ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. 2. М., 1891, стлб. 196, 198; РИБ, т. XXIII, стлб. 1043, 1648.

⁷ Акты Московского государства, т. III, стр. 118; РИБ, т. XXI, стлб. 1224, 1390, 1518.

Таким образом выходит, что такие, казалось бы, точные сведения, какие сообщаются в „Повести“, являются в действительности неверными. А раз так, значит на них нельзя базироваться при датировке „Повести“ и для нее надо искать других отправных точек.

„Повесть“ уделяет большое внимание военному делу. В ней говорится о наборе солдат, об их обучении, о бытовых условиях их жизни, причем чувствуется, что все это автору хорошо известно; здесь он пишет действительно как современник, знакомый со всеми мелочами этой жизни. Однако и в этом случае при внимательном рассмотрении мы наталкиваемся на некоторые несообразности. Так, в „Повести“ говорится, что „тогда все новобранные солдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку“ (в других списках — „в добавок“). Видимо, автор хотел этим указать на какое-то соединение двух родов войск: старого стрелецкого и полков нового строя (в состав последнего входили и солдаты).

Вопрос о преобразованиях, произведенных в устройстве русской армии в XVII веке, к сожалению, детально еще не изучен, но все-таки в общих чертах смысл этих преобразований известен.

В первой четверти XVII века русская армия составлялась из дворянского ополчения и стрелецкой пехоты. Иногда к этим составным частям добавлялись еще отряды иностранных ландскнехтов. Готовясь к походу на Смоленск в 1632 году, русское правительство впервые решило усилить отряды войск нового строя полками, сформированными из русских солдат.

В состав армии Шеина, сражавшейся под Смоленском, вошли: дворянская конница в количестве 11187 человек, украинские казаки — 1892 человека, стрельцы — 1112 человек, иноземцы — 2700 человек и шесть русских солдатских полков численностью в 14331 человек.¹ Но стрельцы и солдаты составляли совершенно разные воинские части, независимые одна от другой; к ним никак не может быть применено выражение „Повести“, что солдаты были „розданы по стрелецким полкам в дополнку“. И значительно позднее, во время азовских походов 1695 и 1696 годов, обе эти категории существовали также порознь, не смешиваясь.²

Когда же произошло соединение стрелецких полков с солдатскими, о котором упоминает „Повесть“? Для ответа на этот вопрос приходится обратиться к более позднему времени. Известно, что после стрелецкого бунта 1698 года, сопровождавшегося розыском и казнями, московские стрелецкие полки были расформированы и стрельцы, оставшиеся в живых, разосланы по городам и записаны в тягло.³ В этом же году были приняты меры и относительно провинциального стрелецкого войска.

Указом 11 сентября 1698 года было велено и в городах „впредь стрельцов стрельцами не писать, а велеть их писать солдатами ... потому что на Москве и во всех городах стрелецкий чин отставлен, а вместо стрельцов велено быть солдатам“. Однако вскоре (1 января 1699 года) этот указ был отменен: „А ныне указали мы тех стрельцов писать попрежнему стрельцами...“. Таким образом городовые стрельцы продолжали существовать и после расформирования стрелецкого войска,

¹ Разрядные книги, т. II, стр. 385—390.

² М. М. Богословский. Петр I, т. I, Л., 1940, раздел об азовских походах.

³ Полное собрание законов, №№ 1634, 1979.

которое произошло в 1698 году. Так, еще в 1701 году в ведении Стрелецкого приказа числилось 7624 стрельца.¹

На основании вышеизложенного мы считаем, что толковать слова „Повести“ „солдаты были розданы по стрелецким полкам в дополнку“ следует в связи с теми реформами в войске, которые были произведены в самом конце XVII века.

Сцены солдатского набора и обучения, изображенные в „Повести“, создают такое впечатление, что этот набор был произведен в широком масштабе. Здесь речь идет не о тех шести полках, которые были набраны для Смоленской войны 1632—1634 годов. В „Повести“ чувствуется насыщенность военной атмосферой. В ней обучение солдат новому строю рассматривается не как новинка, а как нечто обычное. В Шуге, где находятся Савва с бесом, войска обучает сначала русский „инструктор“, которым является Савва, а уже в Москве — немецкий полковник. Значит, предполагается уже знакомство русских людей с новым строем, раз они сами могут руководить обучением. С другой стороны, способ комплектования — набор вольных людей в широком масштабе (бес говорит Савве: „запишемся и мы в солдаты“) — стал практиковаться лишь в конце XVII века, когда при наборе войска для азовского похода Петром I был издан указ о приеме „охочих людей“ даже из числа холопов без разрешения их господ, приведший в немалое смущение и беспокойство дворянство, как это видно из записок Желябужского.² Однако по-настоящему массовый набор „охочих людей“, когда „кликали вольницу в солдаты“, стал практиковаться еще позднее — в Северную войну, когда было „прибрано“ 29 новых полков, по 1000 человек к каждому (правда, в них были, кроме „вольных людей“, и „даточные“ — рекруты).³ Это ополчение по своей дисциплине было еще далеко от настоящей регулярной армии. Нарвская битва показала малую пригодность этого войска и повела к созданию настоящей регулярной армии путем постоянного обучения периодически поставлявшихся рекрутов.

„Повесть“ содержит в себе данные для характеристики солдат именно с такой стороны: во-первых, Савва с бесом по своему желанию уходят из армии, потом, по возвращении в Смоленск, снова вступают в нее, а затем совсем бросают войско под Смоленском и уезжают в Москву. Автор „Повести“ говорит об этом, как о чем-то обычном, не видит в этом никакого нарушения дисциплины. Во-вторых, в ротах, или „командах“, по терминологии „Повести“, происходят волнения; снабжение армии не координировано, оно находится в руках отдельных командиров. Это напоминает состояние регулярной армии в самом начале Северной войны и ту характеристику, которую ей дал сам Петр.

Таким образом сравнение той части „Повести“, которая касается военного быта, с фактами из этой области приводит к заключению, что черты действительности, имеющиеся в ней, гораздо ближе к началу XVIII века, чем к XVII веку. Кроме того, штрихи, которыми она рисует личность царя Михаила Федоровича, в действительности скорее можно отнести к Петру I. В самом деле, воинские успехи Саввы становятся известны самому царю; бес говорит Савве: „царь узнает твою службу и повысит тебя в чине“. Эту и подобные ей фразы, подразумевающие

¹ П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. Изд. 2-е, СПб., 1906, стр. 104; Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. III. СПб., 1858, стр. 243—244; т. IV, ч. 2, СПб., 1863, стр. 467.

² Записки Желябужского. СПб., 1840, стр. 150.

³ М. М. Богословский. Петр I, т. IV, 1947, стр. 177.

доступность царя для солдат, трудно отнести к царям XVII века, окруженным строгим полудерковным дворцовым ритуалом, и особенно к бледной, инертной фигуре Михаила Федоровича; такая фраза гораздо более уместна по отношению к Петру.

Если статья на эту точку зрения — о принадлежности „Повести“ к XVIII веку, тогда легко объясняется и ошибка в имени такого известного для XVII века лица, каким был воевода Михаил Борисович Шеин. „Повесть“ называет его Федором Ивановичем. Почему взято именно это имя? Если мы обратимся к родословию Шеиных, то увидим, что у боярина Алексея Семеновича Шеина, главнокомандующего во втором азовском походе (1696), был племянник Иван Васильевич, а у последнего — сын Федор Иванович.¹ Судя по тому, что А. С. Шеин в 1671 году был уже стольником, а умер в 1700 году,² его внук мог быть уже взрослым человеком в начале XVIII века. Двор Шеиных находился на Ильинке между Воскресенской улицей и Введенским переулком,³ т. е. очень близко от дома Грудцыных, который был расположен на Воскресенской улице. Если считать, что „Повесть“ вышла из семьи Грудцыных или из круга, близкого к ней,⁴ то вполне вероятно, что автор, не зная имени боярина Шеина, воеводы в Смоленском походе, воспользовался известным ему именем его потомка, которого он знал или о котором во всяком случае слышал.

Правда, на это можно возразить: если это так, то почему же автор правильно передает имя другого боярина, жившего в то же время, когда жил и М. Б. Шеин? Если он не знал имени последнего, вследствие того что не был его современником, то почему же ему было известно имя Стрешнева, которое он называет совершенно правильно? Но, во-первых, и относительно Стрешнева автором „Повести“ допущена ошибка. Как заметил М. О. Скрипиль, автор „Повести“, правильно называя Стрешнева Семеном Лукьяновичем, титулует его боярином, тогда как во время Смоленской войны ему было всего 16—18 лет и боярский чин получен им только в 1655 году. Следовательно, и здесь налицо перенесение факта из более позднего в значительно более раннее время. Что же касается правильности имени Стрешнева, то оно могло быть хорошо известно автору, хотя он и не был современником описываемых событий. Дело в том, что Семен Лукьянович Стрешнев с 1657 года до своей смерти (1666) был начальником приказа Устюжской четверти⁵ — учреждения, которому была подведомственна значительная часть Поморья, именно те уезды, в которых находились владения Грудцыных. В руках автора, если он был близок к последним, могли находиться документы Грудцыных, в которых и сохранилось это имя. Оно вместе с именем царя, которое, конечно, не могли не помнить и значительно позднее его царствования, — единственные собственные имена исторических лиц, правильно переданные автором „Повести“ (если не считать неудачно помещенное имя Зимы Волкова, да и здесь автор называет только имя, без фамилии).

¹ П. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. IV. СПб., 1867; А. Н. Зерцалов. Московский Китай-город в XVII в. Чтения, 1893, кн. 2, стр. 8.

² О нем см.: Дворцовые разряды, т. III (дополнения) и т. IV.

³ С. Белокуров. Планы г. Москвы XVII века. М., 1898, стр. 24—25.

⁴ Имя героя повести „Савва“ встречается в кругах, близких к семье Грудцыных. Саввою звали гостя Мамотова — мужа сестры Василия Ивановича. Это же имя носил дворник Савва Семенов, живший в 1695 году во дворе В. И. Грудцына на Воскресенской улице в Китай-городе.

⁵ Русский биографический словарь, т. „Смеловский—Суворин“, СПб., 1909, стр. 584—588; С. К. Богоявленский. Приказные судьи. М., 1946, стр. 299.

Если вспомнить, что черты, которыми в „Повести“ описан отец героя — Фома Грудцын, из всех Грудцыных подходят только к гостю Василию Ивановичу, умершему в 1704 году, то мы увидим, что не остается ни одного соображения, которое говорило бы в пользу отнесения „Повести“ ко времени описываемых в ней событий или к близкому за ним. Трактовка исторических событий и ошибки в выборе и наименовании действующих лиц заставляют отодвинуть время составления „Повести“ к началу XVIII века.

III

Предположение о принадлежности „Повести“ к XVIII веку находит себе подтверждение в терминологии, употребляемой автором. В „Повести“ встречаются слова, незнакомые XVII веку и появившиеся позднее.

К числу слов XVIII века, встречающихся в „Повести“, следует отнести три технических военных термина: „экзерция“, „команда“, „воинский артикул“. В XVII веке этих слов не употребляли. Мы не найдем их ни в официальных документах и деловых бумагах, ни в бытовом, разговорном языке, ни в книжном употреблении.¹ Из них появившиеся слова „артикул“ приходится связывать с воинскими артикулами или уставами петровского времени (хотя в „Повести“ этот термин употреблен в другом значении — ружейного приема). Из военных руководств, переведенных и выпущенных при Петре I, которые могли способствовать усвоению военных терминов, можно назвать: „Артикул краткий, выбранный из древних христианских воинских прав“ (1705), „Артикул воинский купно с процессом, надлежащий судящим“ (1715), „Книга о экзерции, церемониях и должностях, воинским людям надлежащих“ (1715), „Артикул воинский с кратким толкованием“ (1715), „Артикул воинский купно с процессом, надлежащий судящим“ (1717).²

Наличие ряда терминов, не употреблявшихся в языке XVII века, также заставляет перенести появление „Повести“ в XVIII век. Могут быть, конечно, попытки объяснить появление этих терминов позднейшими наслоениями. В „Повести“ действительно встречаются такие наслоения. Например, вместо „государский“ в некоторых списках стоит „государственный“, вместо „царский“ — „царского величества“. Эти замены указывают на то, что список, в котором они встречаются, является более поздним. Но термины XVIII века, указанные выше, имеются налицо решительно во всех просмотренных нами списках и притом в одних и тех же местах текста. Для того чтобы считать их „наслоениями“, необходимо найти хотя бы один случай, в котором бы вместо этого „наслоения“ стоял первоначальный термин, а этого ни в одном из списков „Повести“ нет. Таким образом употребление в „Повести“ этих терминов также указывает на принадлежность ее к XVIII веку.

¹ Для установления того факта, что автор „Повести“ не мог заимствовать военных терминов из специальной литературы, известной у нас в XVII веке, нами был просмотрен текст „Учения и хитрости ратного строю пехотных людей“ — единственного переводного руководства, вышедшего в московской типографии в XVII веке и имевшего довольно широкое распространение, по крайней мере в высших кругах (если судить по сохранившимся описям библиотек XVII века). В этой книге указанных терминов не встречается. Появление же их лишь в начале XVIII века подтверждается данными картотеки, составленной для словаря древнерусского языка, подготавливаемого Институтом языкознания Академии Наук СССР.

² П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862.

В пользу этого предположения говорит ряд наблюдений. Это прежде всего отсутствие списков „Повести о Савве Грудцыне“ ранее XVIII века. Большая часть списков ее относится ко второй половине и к середине XVIII века, сравнительно меньше к XIX веку и совсем немного к началу XVIII века.¹ За позднее появление „Повести“ говорит и отсутствие сколько-нибудь значительных вариантов ее. В отдельных списках „Повести“ имеются небольшие различия, касающиеся преимущественно редакционной стороны; это — скорее разночтения, не меняющие ничего в содержании „Повести“. Наконец некоторым соображением в пользу позднего появления „Повести“ служит также отсутствие ее в тех библиотеках XVII века, описи которых сохранились.

Все указанные особенности „Повести“ заставляют перенести время ее появления из XVII в начало XVIII века.

Наблюдения над „Повестью“ дают возможность сделать предположение о ее авторе.

Прежде всего через всю „Повесть“ проходит одна черта — это хорошее знание автором купеческого быта. Автор берет себе героя из купеческой среды, причем он относит его к одной из крупнейших купеческих фамилий конца XVII — начала XVIII века. Автору хорошо известен торговый путь, идущий из Соли Камской в центр государства. Он называет пункты, лежащие на этом пути: Соль Камскую, Орел (городок на реке Каме, принадлежавший Строгановым), Козьмодемьянск, Павлов Перевоз (очевидно, этим именем названо крупное в XVII веке торговое село Павлово на реке Оке, насчитывавшее в середине XIX века 8500 жителей). Он знает даже, что в Павлове Перевозе бывает базар по четвергам; очевидно, он сам там бывал. Следуя далее по этому пути, ведущему по рекам Оке и Москве к городу Москве, автор, не доезжая последней, сворачивает из Оки в Клязьму, а оттуда в Тезу и доходит до города Шуи. Чем это объяснить? Шуя в XVII и начале XVIII века была довольно видным торгово-промышленным городом. Еще в 1629 году в нем существовало 45 лавок и гостиный двор, на котором было отделение английской торговой компании, присылавшей в Шую свои товары из Архангельска. Два раза в год в Шую бывала ярмарка. Жители города вели оптовую хлебную торговлю, составлявшую их главный доход („посадские люди тем и кормятся и подати всякие государевы платят“). Население занималось также кожевенным и мыловаренным производствами.² Возможно, что В. И. Грудцын, производивший, как указано выше, большие закупки хлеба, был связан и с Шуей, поэтому она и остановила на себе внимание автора „Повести“. Автор знаком также и с торговлей, производившейся с Персией; он знает, что из Казани ездили в Астрахань, а оттуда „за море“, где торговые люди оставались долгое время. Он с особым вниманием относится к Орлу, перенося в него местный административный центр, в то время как в действительности этот центр помещался в Соли Камской

¹ Из 62 рукописных текстов „Повести“, перечисленных в „Библиографии древнерусской повести“, составленной В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (М.—Л., 1940), лишь один (помещенный под № 2 список ГПБ, Погодинск. № 1774) отнесен к XVII веку. Однако при проверке оказалось, что он написан скорописью XVIII века на бумаге с монограммой ЛИК того начертания, которое помещено у К. Я. Тромонина (Знаки писчей бумаги. М., 1844) под № 740 и у Н. П. Лихачева (Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891) под № 576 и относится к 1733 году. Следовательно, и этот список не может быть отнесен ко времени ранее второй четверти XVIII века.

² В. Борисов. Описание г. Шуи и его окрестностей. М., 1851, стр. 60—61, 67—69.

(последняя в изложении автора становится названием района, а не административного пункта). В этом преувеличении значения Орла также можно видеть проявление интереса автора к торговым делам. Если мы перейдем к той части „Повести“, которая связана с Москвой, то увидим, что автор особо отмечает пункты, расположенные близ Красной площади, главного средоточия торговли в Москве, — Ветошный ряд и Казанский собор на углу Красной площади и Никольской улицы.

Таким образом выбор героя, знакомство с торговыми путями и с определенными торговыми пунктами, знание даже дней базара в одном из них и особый пиетет, который автор питает к крупному купечеству (его „славность“ и „богатство“) — все это, думается, с несомненностью указывает на то, что автор имел ближайшее отношение к торговле, т. е. или сам являлся членом крупной торговой семьи, или принадлежал к числу ее приказчиков.

Во второй части „Повести“ обнаруживается, что автор знаком также и с военным бытом (набор солдат, их обучение, быт военных „команд“). При этом в „Повести“ нет какого-либо описания устройства армии; в ней рассыпаны отдельные мелкие факты, которые могли быть известны только лицу, жившему в той обстановке, о которой идет речь. Отсюда можно сделать заключение, что автор, вследствие каких-то „превратностей судьбы“, оставив свои торговые дела, поступил „охочим человеком“ в солдаты.

Из „Повести“ видно хорошее знакомство автора с Москвою. Автору знакома и окраина Москвы — стрелецкая слобода в районе Земляного города и Сретенки с церковью Николы в Грачах — и ее центральная торговая часть — Китай-город с Красною площадью, Казанским собором и Ветошным рядом. Характерно, что самый Казанский собор называется в „Повести“ не церковью Казанской богородицы „на площади“, „в Китай-городе“, „у Неглименских ворот“, как обычно определяется его местонахождение в XVII веке, а церковью Казанской богородицы „что у Ветошного ряда“, несмотря на то, что это определение не точно. Против Казанского собора приходился не Ветошный ряд, находившийся наискось от нее в том месте, где теперь Ветошный переулок, а Седельный и Саадачный ряды, а рядом с ним — Ножевый ряд.¹ Однако автор не берет их за основание для определения местонахождения Казанского собора: его внимание привлекает Ветошный ряд. Не надо ли искать объяснения этому в том, что Ветошный ряд был на пути к Казанскому собору из Воскресенской улицы, где близ Никольской находился, как упомянуто выше, двор Василия Ивановича Грудцына? И нельзя ли видеть причину особого внимания автора к Казанскому собору в том, что последний являлся самою видною церковью в этом районе? Все эти детали указывают на знание автором г. Москвы. Если к этому прибавить, что, описывая „видение“ Саввы, автор называет митрополита Петра „неусыпным стражем града нашего Москвы“, то становится ясно, что „Повесть о Савве Грудцыне“ была написана именно в Москве.

---

¹ См. план части Красной площади с Казанским собором и торговыми рядами последней четверти XVII века, помещенный в издании „Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества“ (составлено А. Мартыновым, год шестой, М., 1860).